

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ
КЫРГЫЗСТАНА**

ВЫПУСК 3

Бишкек
«Илим»
2008

ЖЕЛЕЗНЫЕ ВСАДНИЧЕСКИЕ МЕЧИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.С. Иванов*

Центральная Азия / ранний железный век / ранние кочевники / всаднические мечи
Central Asia / early iron age / ancient nomads / cavalry swords

Меч – универсальный вид наступательного оружия, предназначенный в большей степени для рубки, в меньшей – для колюще-режущих ударов [Горелик 1993: 27].

Мечи по своим функциям и длине клинка подразделяются на длинные и короткие. Однако в типологизации конкретных артефактов у оружейников существуют самые расхожие мнения. Впрочем, большинство ученых сходится во мнении, что мечи длиной от 50 до 70 см следует относить к коротким, а мечи более 70 см – к длинным [Хазанов 1971: 5, 15; Клепиков 2002: 21–22]. М.В. Горелик предлагает подразделить также длинные мечи на оптимальные (70–90 см) и специальные всаднические (длиной более 90 см), подкрепляя это тем, что оптимальные мечи были одинаково удобны и для рубки с коня, и в пешем бою, а мечи более 90 см в длину более всего приспособлены для конного боя [Горелик 1993: 27–28]. Но для кочевых обществ подразделение мечей на оптимальные и специальные кавалерийские несколько теряет логику, так как у кочевников во все времена конница всегда играла несоизмеримо большее значение, чем пехота. Поэтому мечи более 70 см в длину в данном случае стоит рассматривать именно как кавалерийские.

Характерной особенностью мечей рассматриваемого периода в Центральной Азии, а также на всем степном пространстве Евразии является то, что они внешне очень близки современным им кинжалам; единственное различие состояло в длине клинка.

Длинные всаднические мечи сравнительно редко встречаются в сакский период на территории Центральной Азии. Для рассматриваемого времени известно пока только

шесть находок мечей и их фрагментов, поддающихся типологическому определению: четыре из них были обнаружены в Приаралье, два – в Семиречье. Все они изготовлены из железа.

Малочисленность мечей в Центральной Азии не позволяет прибегнуть к хорошо разработанной классификации клинкового оружия скифского периода, поэтому они будут рассмотрены индивидуально с выделением значимых для типологии и хронологии мечей и кинжалов элементов в соответствии с принятой в оружейведении терминологии.

В Приаралье найденные длинные мечи территориально распределяются следующим образом: два из них были обнаружены в могильнике Тагискен (курганы 53 и 59), по одному – в могильниках Каскажол и Чирик-Рабат.

Меч длиной 125 см в кургане 53 могильника Тагискен лежал в ногах погребенного. Навершие меча овально-брусковидное. Перекрестье массивное, бабочковидное, украшенное золотой тисненой пластинкой-накладкой с изображением головы архара. На мече сохранились остатки деревянных ножен с обкладкой из золотой фольги и золотым наконечником на конце (рис. I. 1).

Меч из кургана 59 Тагискена имел длину 110 см. Навершие меча плохой сохранности, вероятно, было антенным. Перекрестье почковидное. Рукоять рамочная, то есть с двумя рельефными валиками по бокам. Клинок прямой, линзовидный в сечении. Похоже, что он, как и меч из кургана 53, имел деревянные ножны с золотой обкладкой, о чем свидетельствует фрагмент золотой пластины с изображением хищника (рис. I. 2).

С.П. Толстов и М.А. Итина датировали оба меча из Тагискена V в. до н.э. [Толстов, Итина 1966: 166–168]. Позднее их дата была несколько удревнена М.А. Итиной и Л.Т. Яб-

* *Иванов Сергей Сергеевич* – КНУ им. Ж. Баласагына. Кыргызстан, г. Бишкек, sak@yandex.ru

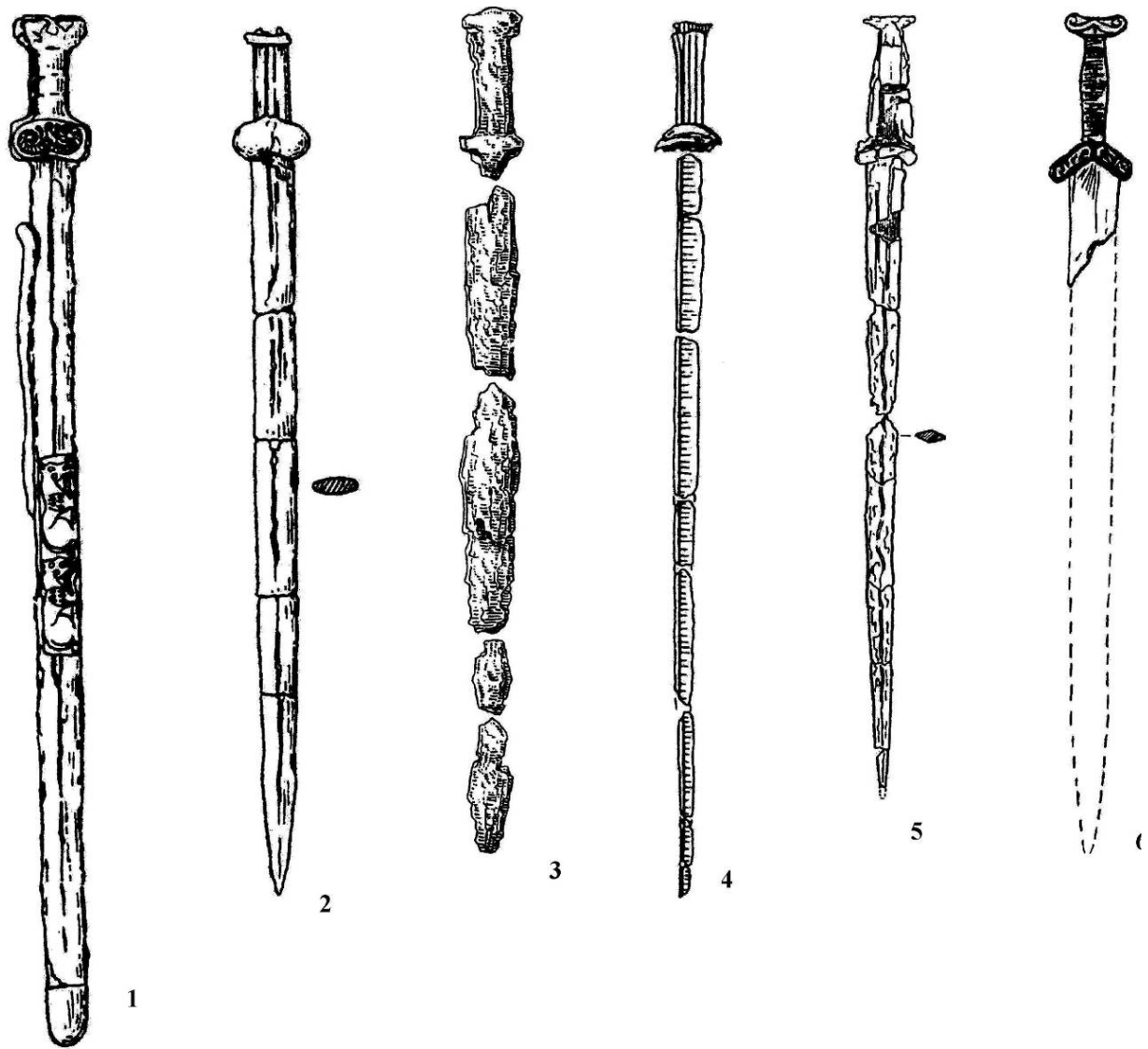

Рис. 1. Мечи древней Центральной Азии:
 1 – могильник Тагискен, курган 53, 2 – могильник Тагискен, курган 59;
 3 – могильник Чирик-Рабат, курган 1; 4 – могильник Курты, курган 59;
 5 – могильник Каскажол, курган 4; 6 – курган Иссык (без масштаба)

лонским – VI – начало V в. до н.э. [Итина, Яблонский 1996: 45, рис. 44. 5, 55. 9]. Но, на наш взгляд, оба меча могут быть отнесены к рубежу VI–V вв. до н.э. В пользу этого свидетельствуют бронзовые наконечники стрел из колчана, найденного в кургане 53. Среди них полностью отсутствуют архаичные типы втульчатых двулопастных и черешковых с уплощенным клиновидным черешком, которые, как справедливо показала М.И. Медведская, еще в небольшом количестве продолжают встречаться в комплексах начала и середины VI в. до н.э., а к началу V в. до н.э. в среднеазиатских комплексах практически полностью исчезают [Медведская 1972: 88–89].

Оба меча находят аналогии из Северного Причерноморья, Поволжья и Приуралья, а также у кочевников Лесостепного Алтая и

Восточного Казахстана, относящиеся к раннему этапу развития скифоидных культур в этих регионах. Так, наибольшее типологическое сходство меч из кургана 53 имеет с железными всадническими мечами из Старшей могилы на Украине [Тереножкин, Ильинская 1984: 316–317], Кармир-Блура в Закавказье [Тереножкин 1975: 28–29, рис. 20. 11], Имирлера в Северо-Восточной Турции [Горелик 1993: 247, табл. XV. 49], Башкирии (Енактаево) [Горбунов, Исмагил 1976: 235–237, рис. 1. 2] и Лесостепного Алтая (Новообинка) [Могильников, Медникова 1985: 179, 183, рис. 1; Могильников 1997: 39]. Все перечисленные выше железные мечи имеют единственное отличие от тагискенского – это наличие рамочной рукояти, но такую рукоять имеет второй меч из рассматриваемого могильника (курган 59). Он

также находит значительные аналогии в степной части Евразии; ему наиболее близки мечи из Актюбинской области [Смирнов 1961: 17–18, рис. 2. 9] и из Зевакино в Восточном Казахстане [Могильников 1997: 41] – оба датируются рубежом VI–V вв. до н.э.

Третий меч, длиной 106 см, происходит из могильника Каскажол (курган 4) на Устюрте. Навершие меча брусковидное, с сужающимися концами. Перекрестье в виде сломанного под углом бруска. Клинок прямой, двулезвийный, ромбический в сечении (рис. I. 5). Он надежно датируется по найденным вместе с ним бронзовым втульчатым наконечником стрел и зеркалом – IV в. до н.э. [Ягодин 1978-а: 157, рис. 53. 5; Ягодин 1978-б: 87–88, рис. 2. 5].

Он действительно, как отметил В.Н. Ягодин, находит широкие аналогии преимущественно у ранних сарматов Южного Приуралья и, в меньшей мере, Поволжья [Ягодин 1978-а: 147]¹. Особенно близки устюртскому мечу длинные мечи из раннепрохоровских погребений Южного Приуралья [Мошкова 1963: 33, табл. 18. 11; Мошкова 1974: 23–25, рис. 5. 7–8; Смирнов 1961: 26–27, рис. 7. 11; Пшеничнюк 1983: табл. VII. 22], также датирующиеся IV в. до н.э.

Следующий меч, длиной около 79 см, происходит из кургана 1 на городище Чирик-Рабат в Восточном Приаралье. Навершие брусковидное или овальное. Перекрестье плохой сохранности, но, скорее всего, было узким, бабочковидным [Толстов 1962: рис. 82, в] (рис. I. 3). Он датирован IV в. до н.э. на основе типологически очень близких савроматских аналогий, некоторые из которых также имели значительную длину клинка, к примеру, меч из Красногорского могильника достигал 120 см. [Смирнов 1961: 23–24, рис. 6. 4]. К.Ф. Смирнов считает, что савроматские мечи и кинжалы этого типа появляются под влиянием скифских образцов, которые датируются несколько более ранним временем, чем сарматские и приаральский экземпляры, – концом V–IV вв. до н.э. [Смирнов 1961: 24].

В Семиречье – втором районе Центральной Азии, откуда известны длинные мечи, – они были обнаружены в кургане Иссык и в могильнике Курты.

Иссыкский меч имел клинок плохой сохранности, но в целом виде был длиной около 1 м. Его навершие – в виде слабо изогнутого бруска. Рукоять – эллипсоидная, т.е. несколько сужающаяся к перекрестию и навершию. Перекрестье в виде сломанного под

углом бруска. Клинок двулезвийный, в сечении линзовидный, с продольным желобком на обеих сторонах лезвия. Навершие и перекрестье инкрустированы золотыми пластинами, рукоять обвита золотой проволокой. Длина сохранившейся части – 20 см [Акишев 1978: 30, табл. 28] (рис. I. 6).

К.А. Акишев первоначально датировал курган Иссык V в. до н.э. [Акишев 1978: 39], но затем для него была предложена дата IV в. до н.э. В пользу этого свидетельствуют изогнутое навершие меча и эллипсоидная рукоять кинжала; такие элементы рукояти характерны для мечей и кинжалов IV – начала III вв. до н.э. степной части Евразии [Мошкова 1963: 23–25]. Поэтому наиболее вероятная дата для иссыкского меча – IV в. до н.э.

Сходные с иссыкским длинные мечи происходят преимущественно с территории Приуралья и Зауралья [Мошкова 1963: 33, табл. 18. 10–14; Хабдулина, Малютина 1982: 76, рис. 1. 10]. Все они датируются IV в. до н.э. Кроме того, один или несколько продольных долов на клинке имел также один из длинных мечей из Лесостепного Алтая, датирующийся IV–III вв. до н.э. [Могильников 1997: 45, рис. 39. 2].

Второй семиреченский меч длиной 80 см был найден в кургане 56 могильника Курты. Навершие меча плохой сохранности, и восстановить его форму трудно. Перекрестие дуговидное. Клинок прямой, однолезвийный, треугольный в сечении. Рукоять рубчатая (т.е. с тремя продольными рельефными валиками) [Агеева 1961: 24, рис. 4] (рис. I. 4).

На основании однолезвийности меч был отнесен к первой половине I тыс. н.э. [Досымбаева 1999: 11–12]. Но были упущены из виду очень важные элементы эфеса этого меча, такие, как дуговидное перекрестье, широко распространенное в степях Евразии в IV – начале III в. [Мошкова 1963: 59, табл. 19. 9–11] и рубчатая рукоять, характерная для архаических бронзовых и железных кинжалов VII–V вв. до н.э. и практически не встречающаяся после начала IV в. до н.э. [Кызласов 1972: 102–105, рис. 2. 1; Кубарев 1981: 30–42; Мокрынин, Плоских 1988: 20–22, рис. 19. 2].

Близкие прямые однолезвийные мечи были известны у скифов Северного Причерноморья в IV–III вв. до н.э. Единственной их особенностью было то, что они имели как бы половину рукояти скифского облика. А.И. Мелюкова считает, что на происхождение этой редкой группы мечей повлияли греческие однолезвийные кавалерийские ме-

чи – махайры, широко распространенные в греческих колониях Причерноморья [Сokolьский 1954: 132–136, табл. I. 3–7; Мелюкова 1964: 53–59, табл. 19. 8–11; Воронов 1975: 222–224, рис. 5. 26; Пичикиян 1980: 208–210]. Однолезвийные мечи и кинжалы типа махайры с VII–VI вв. до н.э. известны в Волго-Камье, а с конца VI в. до н.э. – на Северном Кавказе. Единичные находки их зафиксированы также у савроматов Нижнего Дона V–IV вв. до н.э. [Горелик 1993: 40].

Впрочем, махайра и очень близкие ей аналогии широко применялись на Ближнем и Среднем Востоке в I-м тыс. до н.э., и, не касаясь вопроса происхождения и первичного района распространения здесь махайр, отметим, что они как оружие кавалеристов применялись в ахеменидском Иране [Горелик 1993: 40]. Широко они использовались и в Бактрии в ахеменидский и античный периоды, о чем свидетельствуют многочисленные находки махайр в Северной Бактрии [Пичикиян 1980: 207; Горелик 1993: 40; Литвинский 2001: 247–248]. Поэтому возможность влияния махайр на появление однолезвийных мечей в древней Центральной Азии была не меньше, а скорее даже, выше, чем в Северном Причерноморье.

О влиянии такого специфического оружия эллинизма, как махайра, на мечи ранних кочевников косвенно свидетельствует и находка очень необычного меча в кургане 13 Старо-Кишиштинского могильника в Южном Приуралье. Он однолезвийный, без металлических навершия и перекрестья, с изогнутым клинком, у которого рубящей была вогнутая сторона, как у махайры. М.Г. Мошкова датировала его по сопровождающим погребение вещам III–II вв. до н.э. [Мошкова 1963: 35, табл. 19. 28]. Итак, получается, что махайры повлияли некоторым образом и на оружие ранних сарматов, чему служит доказательством уникальный старокишиштинский меч. Однако не совсем понятно, откуда пришел этот импульс в Приуралье: из Средней Азии или из Причерноморья.

Итак, из всего вышесказанного ясно, что однолезвийные мечи и кинжалы были известны на пограничных с кочевым миром территориях и спорадически влияли на клинковое оружие ранних кочевников евразийских степей. Саки творчески переработали саму идею однолезвийного клинкового оружия, приспособив его к местным стандартам, следствием чего стало появление мечей, подобных куртинскому. Он пока остается

единичной находкой. Однако есть все основания датировать куртинский меч IV в. до н.э. или рубежом IV и III вв. до н.э.

Кроме того, на Западном Тянь-Шане железные фрагменты мечей обнаружены в кургане 2 могильника Джал-Арык II и кургане 12 могильника Акчий-Карасу. Они представляют собой нижние части лезвий мечей [Кожомбердиев 1971: 171; Ташбаева 1987: 9]. Однако не совсем ясно, принадлежат ли они к типу всаднических мечей длиной более 70 см или же к коротким типа акинака. Если учесть, что оба кургана, в которых найдены мечи, датируются позднеасакским временем, то логично предположить, что рассматриваемые находки принадлежат именно к всадническому типу, так как короткие мечи в этот период встречаются значительно реже.

Ножны кинжалов и мечей ранних кочевников Центральной Азии в сакский период, судя по немногочисленным археологическим данным, изготавливали из дерева и кожи. В частности, деревянные ножны имели оба меча из могильника Тагискен и меч из кургана Иссык. Иногда ножны украшались золотыми или другими металлическими накладками. Из этих же материалов изготавливали ножны для клинкового оружия и в соседних с Центральной Азией регионах [Смирнов 1961: 28; Кубарев 1981: 44–49].

Итак, рассмотрев немногочисленные находки мечей в Центральной Азии, можно наметить пути происхождения и распространения этого вида оружия в нашем регионе.

Единичные находки бронзовых и железных мечей значительной длины в степной зоне Евразии известны еще в эпоху поздней бронзы и связаны в первую очередь с распространением оружия карасукского облика [Тереножкин 1975: 6–25]. Некоторые из них, например меч с Субботовского городища в Северном Причерноморье, имели внушительную длину – 108 см. [Тереножкин 1975: 10–11, 30–32, рис. 4. 5]. Но до массового освоения железа длинные мечи не могли получить широкого распространения, так как их бронзовые аналоги имели значительный вес, вследствие чего были неудобны в использовании. С освоением железа в эпоху ранних кочевников длинные мечи входят в регулярное употребление и, как следствие, откладываются в погребальных комплексах.

В кочевнической среде самые ранние мечи значительной длины появляются у скифов Северного Причерноморья и Северного Кавказа во второй половине VII в. до н.э., о

чем свидетельствуют их находки из Келермеса и Мельгунова [Горелик 1993: 33, табл. XVI. 1–2]. Со скифами также связывают находки всаднических мечей из Кармир-Блура в Закавказье и Имирлера из Северо-Восточной Анатолии (Турция), датирующиеся тем же временем [Тереножкин 1975: 28–29, рис. 20. 1; Горелик 1993: 247, табл. XV. 12, 49]. Длина их колебалась в среднем от 70 до 80 см.

В настоящее время не совсем ясно, какие именно прототипы были у первых скифских длинных мечей: повлияли ли на их появление мечи карасукско-киммерийского облика или же мечи, которые были распространены с начала I тыс. до н.э. в Закавказье и на Ближнем Востоке, с которыми скифы, несомненно, познакомились во время своих легендарных походов [Горелик 1993: 30–31].

От скифов всаднические мечи проникают в течение VI в. до н.э. к савроматам Поволжья и Южного Урала [Смирнов 1961: 28–31; Горелик 1994: 33–34]. Здесь они получают дальнейшее развитие и достигают поистине колоссальных размеров – более 1 м. Однако не стоит переоценивать роли длинных мечей у савроматов. В период с VI по начало IV в. до н.э. с территории расселения савроматских племен известно менее одного десятка длинных мечей. Их число возрастает только в прохоровский период (IV–II вв. до н.э.), когда они, наряду с кинжалами, начинают играть роль одного из основных видов наступательного вооружения ранних сарматов [Хазанов 1971: 69]. При этом, по подсчетам М.В. Горелика, процентное соотношение длинных и коротких мечей у савроматов было примерно таким же, как у скифов [Горелик 1993: 34]. А в конце VI – начале V в. до н.э. длинные мечи из Южного Приуралья попадают в Зауралье, Западную Сибирь, Лесостепной Алтай и Восточный Казахстан, о чем ярко свидетельствуют упомянутые выше находки в этих регионах. Одновременно посредством связей с савроматами мечи всаднического типа появляются в Приаралье. Но здесь они также не получили большого распространения, впрочем, так же, как и в других регионах обширного скифо-сибирского мира.

То, что распространение длинных мечей в ранний период шло именно с запада на восток – из Северного Причерноморья и Северного Кавказа через Поволжье и Приуралье в Западную Сибирь и Центральную Азию, не вызывает сомнений. Об этом косвенно свидетельствует, к примеру, то, что ранние мечи из Саратовского музея, меч из кургана 59 мо-

гильника Тагискен и меч из Лесостепного Алтая (Новообинка) имели рамочную рукоять. Рукояти этого типа были характерны для многих киммерийских и раннескифских мечей и кинжалов [Тереножкин 1975: 29–32]. Позднее развитие всаднических мечей пошло конвергентно от скифских, что выразилось в появлении в указанных регионах мечей так называемых «переходного» и прохоровского типов, ядром сложения которых, вероятно, были Южное Приуралье, Зауралье и, отчасти, Приаралье.

В Семиречье длинные мечи появляются примерно на рубеже V и IV вв. до н.э., скорее всего, под влиянием саков Приаралья. Впрочем, на наш взгляд, не исключено и некоторое влияние ранних кочевников западных предгорий Алтая и Восточного Казахстана, с которыми саки Семиречья и Тянь-Шаня имели тесные культурные связи [Могильников 1997: 103–104].

На юго-востоке Центральной Азии всаднические мечи появляются, видимо, только во II в. до н.э., что повлекло за собой достаточно быстрое вытеснение старых средств ближнего боя – чеканов, секир и др. Действительно, первые настоящие длинные мечи на юго-востоке региона пока известны в кушанских погребениях Тулхарского могильника [Мандельштам 1966: 102–103, табл. 39. 1–2]. А на рубеже эр длинные всаднические мечи известны уже в огромном количестве практически на всей территории Центральной Азии, что свидетельствует о том, что длинные мечи становятся подлинно массовым оружием кочевников [Обельченко 1978: 122–123; Обельченко 1992: 152–153; Лоховиц, Хазанов 1979: 126–127; Левина 1996: 196; Маслов, Яблонский 1996: 173–174; Литвинский 2001: 235–237].

Однако, несмотря на то что меч является универсальным средством ведения ближнего конного боя, в Центральной Азии он распространяется достаточно медленно. Это можно объяснить несколькими причинами.

Распространение мечей всаднического типа было связано с дальнейшим развитием ближнего боя [Горелик 1993: 35]. В начале сакской эпохи почти на всем пространстве степной части Евразии основу войска у кочевников составляли конные лучники, которые вели обстрел противника на дистанции в течение длительного времени, иногда обращаясь в притворное бегство. Это, по сообщениям античных авторов, было характерной особенностью «скифской тактики» [Блават-

ский 1950: 24]. Когда же дело доходило до ближнего боя, то большинство воинов спешивалось и сражалось с кинжалами и копьями. Поэтому, с учетом скоротечности и мобильности военных столкновений в условиях кочевого образа жизни, назрела необходимость вести весь бой сидя верхом, что, несомненно, было шагом вперед в развитии военного искусства в целом, и кавалерии в частности. Именно тогда длинный меч выходит на первое место в арсенале средств ближнего боя всадника, так как он был легче и удобнее, чем клевцы, секиры, булавы, применявшиеся ранее. Преимуществом его также было то, что он мог использоваться как против конного, так и против пешего противника.

Определенную роль в распространении всаднических мечей сыграл металлический доспех. С самого начала появления доспеха у ранних кочевников он был, в первую очередь, рассчитан на защиту воина от стрел, в меньшей – от средств ближнего боя. Поэтому с распространением металлических панцирей появилась возможность практически без урона приближаться к конным лучникам противника, что опять-таки повлекло изменение тактики самого ведения боя в степной части. А это в свою очередь послужило причиной поиска эффективного средства ближнего боя – вот здесь и выходит на первое место меч, имеющий преимущества, как упоминалось выше, перед другими видами вооружения. Однако даже в V–III вв. до н.э. оборонительный доспех был слабо распространен в степной части Центральной Азии [Горелик 1993: 34], что не требовало такого эффективного средства ведения ближнего боя, как длинный всаднический меч.

Впрочем, относительно специфики распространения всаднических мечей в степной части Евразии М.В. Горелик высказал мне-

ние, что если у скифов Причерноморья и Северного Кавказа мечи значительной длины были рассчитаны, прежде всего, против тяжелого кавалериста, то у савроматов и саков – против пехотинцев и, в меньшей мере, против легко- и тяжеловооруженных всадников [Горелик 1993: 34–35]. Последнее обстоятельство мало способствовало широкому распространению мечей, так как, с учетом слабого распространения защитного доспеха и скоротечности вооруженных схваток с преимущественным использованием только лука и стрел, в кавалерийских мечах не было большой необходимости.

Кроме того, не вызывает сомнений, что меч был достаточно дорогим оружием, поэтому получил распространение в первую очередь в среде кочевой аристократии, что подтверждается их находками только в крупных и средних курганах, как о том свидетельствуют находки длинных мечей в Иссыке, Чирик-Рабате и Тагискене.

Итак, длинные всаднические мечи были известны в Центральной Азии с конца VI в. до н.э., но они не получили здесь широкого распространения в сакский период и остались (на всем его протяжении) преимущественно аристократическим оружием. Истинное же распространение они получили только со II в. до н.э., о чем ярко свидетельствуют их многочисленные находки в различных пунктах нашего региона.

Примечания

1. Сходство меча из Каскажолы с мечами из Приуралья было не случайно. Обряд захоронения и инвентарь данного погребения практически аналогичны раннепрохоровским, поэтому его можно отнести к кочевникам, передвинувшимся из Южного Приуралья в Западное Приаралье [Ягодин 1975-б: 88–89].

Abstract

THE IRON CAVALRY SWORDS IN ANCIENT CENTRAL ASIA S.S. Ivanov

In article are investigated the questions linked with genesis and role of long cavalry swords in armour complex of ancient nomads in Central Asia. There are only six cavalry swords found in Central Asia: four of them were found in Aral sea region and two – in Semirechie region. The long swords appeared in ancient Central Asia at 6-th century B.C. and became hhe leading type of weapon of ancient nomads cavalry in last centuries B.C.

Литература

- Агеева 1961 – Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. – Т. 12. – Алма-Ата, 1961.
Акишев 1978 – Акишев К.А. Курган Иссык. – М., 1978.

- Бабанская 1956 – *Бабанская Г.Г.* Берккаринский могильник // ТИИАЭ АН КазССР. – Т. 1. – Алма-Ата, 1956.
- Блаватский 1950 – *Блаватский В.Д.* О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. – Вып. 24. – М., 1950.
- Вишневская 1973 – *Вишневская О.А.* Культура саков низовьев Сырдарьи (по материалам Уйгарака). – М., 1973.
- Вишневская, Итина 1971 – *Вишневская О.А., Итина И.И.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. – М., 1971.
- Воеводский, Грязнов 1938 – *Воеводский М.В., Грязнов М.П.* Усуньские могильники на территории Киргизской ССР // ВДИ. – 1938. – №3.
- Воронов 1975 – *Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. – Киев, 1975.
- Горелик 1993 – *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока. – М., 1993.
- Горбунов, Исмагил 1976 – *Горбунов В.С., Исмагил Р.Б.* Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. – 1976. – №3.
- Досымбаева А. М., 1999 – *Досымбаева А. М.* Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в.н.э. (по погребальным памятникам). АКД. – Алматы, 1999.
- Ильинская, Тереножкин 1973 – *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия в VII–IV вв. до н.э. – Киев, 1973.
- Итина, Яблонский 1996 – *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). – М., 1996.
- Кадырбаев 1984 – *Кадырбаев М.К.* Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984.
- Клепиков 2002 – *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. – Волгоград, 2002.
- Кожомбердиев 1975 – *Кожомбердиев И.К.* Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1975.
- Кубарев 1981 – *Кубарев В.Д.* Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981.
- Левина 1996 – *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). – М., 1996.
- Литвинский 2001, – *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М., 2001.
- Лоховиц, Хазанов А.М. 1979 – *Лоховиц В.А., Хазанов А.М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – М., 1979.
- Маслов, Яблонский 1996 – *Маслов В.С., Яблонский Л.Т.* Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. – 1996. – №2.
- Мелюкова 1964 – *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. – М., 1964.
- Могильников, Медникова 1985 – *Могильников В.А., Медникова Э.М.* Находки металлических изделий раннего железного века из Новообинки // СА. – 1985. – №1.
- Мандельштам 1966 – *Мандельштам А.М.* Кочевники на пути в Индию. – М.; Л., 1966. – (МИА, №136).
- Могильников 1997 – *Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. – М., 1997.
- Мокрынин, Плоских 1988 – *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Иссык-Куль: затонувшие города. – Фрунзе, 1988.
- Мошкова 1963 – *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. – М., 1963.
- Мошкова 1974 – *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М., 1974.
- Обельченко 1978 – *Обельченко О.В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. – 1978. – №4.
- Обельченко 1992 – *Обельченко О.В.* Культура античного Согда. – М., 1992.
- Пичикян 1980 – *Пичикян И.Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. – 1980. – №4.
- Пшеничнюк 1983 – *Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983.
- Смирнов 1961 – *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. – М., 1961.
- Смирнов 1964 – *Смирнов К.Ф.* Савроматы. – М., 1964.
- Сокольский 1954 – *Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античное время. – М.; Л., 1954. – (МИА, №33).
- Соловьев 2003 – *Соловьев А.И.* Оружие и доспехи. – Новосибирск, 2003.
- Степная полоса... 1992 – *Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* – М., 1992. – (Археология СССР).
- Ташбаева 1987 – *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. АКД. – Л., 1987.
- Тереножкин 1975 – *Тереножкин А.И.* Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. – Киев, 1975.
- Тереножкин 1976 – *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. – Киев, 1976.
- Толстов 1962 – *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962.
- Хабдулина, Малютина 1982 – *Хабдулина М.К., Малютина Т.С.* Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // КСИА. – Вып. 170. – М., 1982.
- Хазанов 1971 – *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.
- Ягодин 1978-а – *Ягодин В.Н.* Древняя и средневековая культура Устюрта. – М., 1978.
- Ягодин 1978-б – *Ягодин В.Н.* Сарматский курган на Устюрте // КСИА. – Вып. 154. – М., 1978.